

PAT BARKER

The Silence
of the Girls

ПЭТ БАРКЕР

БЕЗМОЛВИЕ
ДЕВУШЕК

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б25

Pat Barker

THE SILENCE OF THE GIRLS

Copyright © 2018 by Pat Barker. This edition is published
by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC

Баркер, Пэт.

Б25 Безмолвие девушек / Пэт Баркер ; [перевод с английского Р. Н. Прокурова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Глазами женщины. Античный триллер).

ISBN 978-5-04-110093-3

Все знают сказание о Троянской войне, когда огромная армия греков осадила Трою, чтобы отбить у вероломных чужаков похищенную ими царицу Елену — а заодно пожить несметными богатствами, хранившимися за стенами города. В войне приняло участие множество великих героев, главным из которых был Ахилл — сияющий, несравненный, богоравный. В конце войны он пал жертвой предательства и коварства, однако обессмертил свое имя в веках... Но так ли гладко все было на самом деле? Лучше всего об этом знала троянская царевна Брисеида, захваченная Ахиллом во время одного из греческих набегов и ставшая его рабой и наложницей. И вот ее рассказ — о ненависти, ужасе, безысходности, лишениях, смирении... и любви.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Прокуров Р.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110093-3

— Известно ли вам, с чего началась европейская литература? — спрашивал он на первом занятии. — С распри. Вся европейская литература зародилась из ссоры. — Затем раскрывал том «Илиады» и читал вслух первые строки: — «Гнев, богиня, воспой Ахилла, Пелеева сына... С одного дня, как, воздвигшие спор, воспылали враждою пастырь народов Атрид и герой Ахилл благородный». И что же рассорило двух могучих, неистовых мужей? Как простые выпивохи в кабаке, повздорили из-за бабы... Вернее, из-за девчонки. Которую умыкнули от отца и сгелали военным трофеем.

Филип Рот. Людское клеймо

Часть I

1

Ахилл великий, Ахилл сиятельный, Ахилл богоравный... Нет числа хвалебным эпитетам. Мы к подобным словам никогда не обращались. Мы просто звали его «жнецом».

Ахилл быstroногий. Это уже интереснее. Не благородство и величие — имя ему, прежде всего, создало его проворство. Существует легенда, будто он преследовал Аполлона по долине Трояды. Загнанный в угол, тот в конце концов сказал: «Ты не можешь убить меня, я бессмертен». «Да, — ответил Ахилл. — Но мы оба знаем, что, если б не твоё бессмертие, ты был бы мертв».

Последнее слово всегда оставалось за ним, даже перед лицом бога.

* * *

Я услышала его задолго до того, как увидела. Его боевой клич разносился под стенами Лирнесса.

Женщинам — и детям, само собой, — повелели укрыться в башне, взять с собой сменную одежду и столько еды и питья, сколько получится унести. Как приличествует благородной замужней женщине, я редко покидала дом — впрочем, чтобы не лукавить,

домом я называю дворец, — и пройти по улицам вот так, среди бела дня, было для нас сродни празднику. Почти. За всеобщим смехом, радостными возгласами и шутками, думаю, мы все были напуганы. Я, во всяком случае, была. Все мы знали, что наших мужей оттесняли. Если вначале бой кипел на берегу и вокруг гавани, то теперь они сражались у самых ворот. Мы слышали крики, звон мечей о щиты — и знали, что ждало нас, если город падет. И все же мы *не ощущали* опасности. Мне она казалась словно нереальной, и сомневаюсь, что другие осознавали ее. Разве могут пасть эти высокие стены, защищавшие нас все эти годы?

Отовсюду, по узким улочкам, женщины сходились на главной площади, несли детей на руках. Безжалостное солнце, иссушающий ветер — и вот длинная тень башни протянулась к нам, чтобы принять внутрь. Я шагнула с яркого света в полумрак и, на мгновение ослепленная, споткнулась. Простые женщины и рабыни собирались внизу; те же, кто происходил из знатных домов и царской семьи, занимали верхний уровень. Бесконечно долго поднимались мы по спиральной лестнице, с трудом находя опору на узких ступенях, и так один виток следовал за другим, пока в конце концов перед нами вдруг не открылось широкое, голое пространство. Пол был исчерчен стрелками света, падающего сквозь узкие окна, но по углам лежали тени. Оглядываясь, мы стали неспешно выбирать места, чтобы устроиться и разложить вещи, пытаясь создать какое-то подобие уюта.

Поначалу было прохладно, но, по мере того как поднималось солнце, становилось жарко и душно.

Нечем было дышать. За пару часов запах потных тел, молока, детских экскрементов и менструальной крови стал просто невыносим. Дети начинали капризничать из-за жары. Матери укладывали младенцев на простыни и обмахивали, в то время как старшие носились вокруг, перевозбужденные, не вполне осознавая происходящее. Несколько мальчишек, десяти или одиннадцати лет — еще слишком юные, чтобы сражаться, — заняли верхние ступени и воображали, будто отбрасывают захватчиков. Женщины, измученные жаждой, то и дело переглядывались, но разговаривали мало. Между тем крики снаружи становились громче; последовали гулкие удары по воротам. Снова и снова разносился этот боевой клич, и человеческого в нем было не больше, чем в волчьем вое. Наверное, впервые матери сыновей позавидовали тем, у кого рождались дочери, ибо девочкам сохраняли жизнь. Мальчиков, по возрасту способных взяться за оружие, обычно убивали. Иногда убивали даже беременных женщин — пронзали живот копьем, дабы исключить возможность рождения мальчика. Я заметила, как Исмена, четвертый месяц беременная от моего мужа, обхватила руками живот и убеждала себя, что беременность останется незамеченной.

В последние дни я часто ловила на себе ее взгляд — Исмены, которая вообще-то не решалась смотреть мне в глаза, — и его выражение говорило красноречивее любых слов. *Теперь твой черед. Посмотрим, как это тебе понравится.* Меня мучил этот дерзкий, немигающий взгляд. Я выросла в семье, где к рабам относились с добротой, и ког-

да отец выдал меня за царя Минеса, я продолжила эту традицию в собственном доме. Я была добра к Исмене или, по крайней мере, думала так. Но, быть может, между хозяевами и рабами и не бывает теплых чувств, а есть лишь градация грубости? Я взглянула на Исмену и подумала: «Да, ты права. Настал мой черед».

Никто не заговаривал о поражении, но иного исхода мы не ждали. Разве что одна старуха, двоюродная бабка моего мужа, уверяла, что это отступление к воротам — лишь тактическое ухищрение. Минес, по ее словам, просто поддавался им, чтобы запутать и заманить в ловушку. Наши мужи одержат верх и оттеснят алчных греков в море. И, думаю, некоторые из молодых женщин даже поверили ей. Но этот боевой клич раздавался снова и снова, и с каждым разом все ближе. И все мы знали, кто это, хотя никто не произносил его имени.

Тяжелое предчувствие разливалось в воздухе. Матери обнимали дочерей, почти взрослых, но еще не зрелых для брака, — ведь девочек младше десяти лет не щадили. Ко мне наклонилась Рица.

— Что ж, по крайней мере, *мы* уже не девственницы.

Она ослабилась, так что стали видны прорехи в зубах. Рица выносила столько детей — и ни одного не произвела на свет живым. Я кивнула и заставила себя улыбнуться, но ничего не сказала.

Я беспокоилась о свекрови — она предпочла остаться во дворце, иначе пришлось бы переносить ее в паланкине. Я беспокоилась, и это раздражало меня больше всего. Будь она на моем месте, то

даже не вспомнила бы обо мне. Вот уже год, как ее терзала эта болезнь: живот у нее распух, и плоть сходила с костей. В конце концов я решила сходить к ней, хотя бы убедиться, что у нее достаточно питья и пищи. Рица хотела пойти со мной — уже поднялась на ноги, — но я покачала головой:

— Я ненадолго.

На улице я вдохнула полной грудью. Даже в этот миг, когда мир готов был треснуть и обрушиться на меня, я чувствовала облегчение, вдыхая чистый воздух. Пыльный и раскаленный, он обжигал мне горло, но я ощущала его свежесть после спертой атмосферы на верхнем уровне башни. Кратчайший путь ко дворцу пролегал через главную площадь, но я видела стрелы, разбросанные в пыли, и прямо на моих глазах одна стрела перелетела через стену и вонзилась в кучу грязи. Нет, лучше не рисковать. Я побежала по проулку, настолько тесному, что дома почти заслоняли свет. Достигнув стен дворца, вошла через боковые ворота. Должно быть, слуги оставили их незапертыми, когда бежали. Справа в стойлах фыркали лошади. Я пересекла внутренний двор и поспешила по коридору в главный зал.

Просторный, с высокими сводами зал царя Минеса казался мне чужим. Впервые я вошла сюда в день свадьбы, уже с наступлением темноты, в окружении мужчин с факелами. Меня доставили из отцовского дома в паланкине. Минес с матерью, царицей Мэрой, ждали, чтобы принять меня. Его отец умер годом раньше, у него не было братьев, и ему необходимы были наследники. Поэтому он брал жену, будучи намного раньше того возраста,

когда мужчины вступают в брак. Впрочем, я не сомневалась, что он уже опробовал кое-кого из женщин во дворце — и, возможно ради забавы, пару юношей из конюшен. Могу представить его разочарование, когда я наконец сошла с паланкина и прислужницы сняли с меня вуаль: маленькая и худая, с большими глазами, гривой пышных волос — и ни единого заметного глаза изгиба. Несчастный Минес... Для него идеал девичьей красоты воплощала женщина до того полная, что если шлепнуть ее по ягодице утром, то рябь не стихала бы до полудня. Но он старался как мог — каждую ночь на протяжении долгих месяцев тужился между моих тонких ног с усердием ломовой лошади в упряжке. Однако, так и не сумев зачать ребенка, потерял ко мне интерес и вернулся к своей первой любви, женщине с кухни. С присущей рабам помесью мягкости и дерзости она приняла его в свою постель, когда ему было всего двенадцать.

Еще в тот первый день, едва взглянув на царицу Мэру, я поняла, что противостояние неизбежно. И оно вылилось в настоящую войну. К восемнадцати годам я уже была ветераном затяжных и тяжелых кампаний. Минес, казалось, совершенно не ощущал напряженности, но я давно подметила, что мужчины на удивление слепы к женской агрессии. *Они* — воины, в шлемах и доспехах, сражаются копьями и мечами; и им неведомы наши битвы. Или они предпочитают не замечать их. Быть может, они позабудут душевный покой, если осознают, что мы — не те кроткие создания, каковыми нас привыкли считать?

Все изменилось бы, если б я только родила — сына, конечно же. Но за первый год я так и не ослабила пояса, и в конце концов Мэра, отчаявшись дожидаться наследника, стала показывать на мои узкие бедра и открыто насмехаться. Уж не знаю, чем бы все закончилось, если б не эта болезнь. Возможно, она выбрала бы наложницу из какой-нибудь правящей семьи. И эта женщина, не будучи даже законной супругой, стала бы царицей во всем, за исключением титула. Но в конечном итоге живот начал расти у самой Мэры. Она была еще достаточно молода, чтобы породить повод для сплетен. *От кого он?* Этот вопрос занимал всех. Ведь она покидала дворец лишь ради того, чтобы вознести молитвы у гробницы мужа! Но потом у нее пожелтела кожа, она стала терять в весе и почти не выходила из своих покоев. Без ее участия переговоры о шестнадцатилетней наложнице зашли в тупик и оказались забыты. Я увидела в этом свой шанс и ухватилась за него. Вскоре все придворные, преданные Мэре, склонились передо мной. И дела во дворце шли ничуть не хуже, чем при ней. Во всяком случае, более упорядоченно...

Я так и стояла там, вспоминая все это, представляла себе зал, обычно полный шума: голоса, звон посуды, топот ног. Сейчас же он простирался вокруг меня, глухой как гробница. Конечно, от крепостных стен по-прежнему долетал грохот битвы, но этот шум походил скорее на жужжание редких пчел теплым вечером и лишь усиливал тишину.

Мне хотелось остаться в этом зале, а еще лучше — пройти во внутренний двор и сесть под любимым де-

ревом. Но я понимала, что Рица будет тревожиться, и потому медленно поднялась по ступеням и прошла по главному коридору к покоям Мэры. Я приоткрыла дверь, послышался скрип. Комната была погружена в полумрак. Мэра наглухо завесила окна: возможно, свет резал ей глаза, а может, она хотела скрыть свою наружность от глаз, я не знаю. Прежде она была очень красивой — и еще пару недель назад я заметила, что превосходное бронзовое зеркало, составлявшее часть ее приданого, пропало из виду.

Мэра шевельнулась в постели и повернула ко мне свое бледное лицо.

— Кто там?

— Брисеида.

Лицо мгновенно отвернулось. Не это имя она надеялась услышать. Теперь Мэра прониклась любовью к Исмене, которая, возможно, носила ребенка от Минеса. Может, так оно и было. Впрочем, при той жизни, какую ведут рабы, зачастую сложно определить, кто настоящий отец. Но в последние месяцы отчаяния этот ребенок вселял в Мэру надежду. Да, Исмена была рабыней, но рабам можно даровать свободу, и если б у нее родился мальчик...

Я шагнула в комнату.

— У тебя есть все что нужно?

— Да. — Она ответила без раздумий, лишь бы я поскорее удалилась.

— Достаточно питья?

Мэра бросила взгляд на небольшой стол. Я обошла кровать и взяла кувшин, почти полный. Налила ей большую чашу, после чего направилась с кувшином к большому сосуду в дальнем углу. Теплая, сто-

ялая вода с пленкой пыли на поверхности. Я погрузила кувшин в сосуд и вернулась к кровати. Четыре узкие полоски света пересекали пурпурный ковер у меня под ногами, довольно яркие, чтобы резало глаза. Но над постелью нависала густая тень.

Мэра с трудом приподнялась, и я поднесла чашу к ее губам. Она стала жадно пить, и горло ее вздрагивало при каждом глотке. В какой-то момент она откинула голову, и я попыталась забрать чашу, но услышала слабый протестующий стон. Когда Мэра наконец-то напилась, она изящно вытерла губы уголком вуали. Я чувствовала, что рассердила ее, потому что увидела, насколько же она беспомощна.

Я стала поправлять подушки под ее головой. Когда Мэра наклонялась вперед, позвоночник прямо-таки просвечивал сквозь восковую кожу; казалось, можно вынуть из нее хребет, как из вареной рыбыны. Я осторожно уложила Мэру на подушки, и она удовлетворенно вздохнула. Пока я расправляла простыни, каждая складка источала запах старости и болезни. И, как мне показалось, запах мочи. Я рассердилась. Меня переполняла ненависть к этой женщине, и не без причины. Я вошла в ее дом четырнадцатилетней девочкой, лишенной материнских наставлений. Она могла принять меня с теплом, но не приняла. Могла помочь мне освоиться, но не стала этого делать. Я не имела причин любить ее, но в тот миг меня злило, что, превращаясь в ссохшийся, морщинистый мешок с костями, Мэра лишала меня повода для ненависти. Да, я победила, но это была пустая победа — и не только потому, что Ахилл громил ворота Лирнесса.